

Части тела в русском языке и русской культуре: проект Института лингвистики РГГУ¹

§1. Понятие семиотической концептуализации тела

Естественные и гуманитарные науки объединяет интерес к человеку как к носителю физических и психических качеств и как к личности, организующей и преобразующей окружающий мир. Лингвистику как науку о языке и о речевой коммуникации человек интересуется не только в качестве субъекта, владеющего языком и понимающего язык, но и в качестве субъекта коммуникативного поведения, активно участвующего в общении.

Человеческое общение – это процесс сложный и многообразный. И сложность эта во многом связана с тем, что, общаясь, люди пользуются не только языковыми, но и другими знаками. Главным образом, они пользуются знаками языка тела, то есть тем, что в западной литературе получило название **body language**. Изучая общение людей, лингвистам важно обращать внимание не только на то, **что** одни люди говорят другим, но и **как** они это говорят. Учёных интересует, какими звуками или интонацией мы пользуемся, как ведём себя, какие выполняем движения, как ориентируем своё тело по отношению к собеседнику или к каким-то окружающим предметам, наконец, как смотрим на собеседника. Во всех перечисленных действиях ведущая роль отводится телу. Тело и его отдельные части – руки, ноги, голова, живот, плечи и др. – представляют собой объекты, которые исследуют не только лингвисты, но и специалисты смежных наук, в частности, такой новой области знаний, как невербальная семиотика. Невербальная семиотика – это комплексная наука, изучающая телесные, или соматические, знаки и их использование в коммуникации.

В отличие от естественных и некоторых гуманитарных наук, лингвистику и невербальную семиотику, однако, интересуют не тело само по себе, то есть как физический или биологический объект, а **наивная семиотическая концептуализация** тела и его частей. Речь, как мы увидим далее, идёт о том, как тело и его части представлены в естественном языке и языке тела, и, это очень важно, именно с точки

¹ Работа над проектом «Части тела в русском языке и русской культуре» была поддержана грантом РГНФ (№ 07-04-00203а).

зрения не специалиста-учёного, а обычного человека (слово «наивный» мы будем далее опускать).

Что же такое семиотическая концептуализация человеческого тела?

Введём сначала важное понятие **семиотической концептуализации <некоторого> фрагмента мира**. Семиотическая концептуализация фрагмента мира (объекта, свойства, действия, ситуации и т. д.) является формальным аналогом понятия **семиотической картины** этого фрагмента, отражая то, как этот фрагмент видится наивному носителю языка или культуры. Семиотическая концептуализация фрагмента мира предстаёт в виде результата представления в знаках некоторой области действительности (реальной или фантастической, не важно). Имеется в виду, что знаки при этом могут быть не только языковыми, но и неязыковыми, например, мы можем отображать некоторые фрагменты мира при помощи знаков цветов, гербов, флажков, а также знаков языка веера, знаков одежды, украшений, телесных знаков и многих других. Семиотическая концептуализация, таким образом, представляет собой естественное расширение известного в лингвистике понятия **языковой концептуализации фрагмента мира**.

Необходимость понятия семиотической концептуализации фрагмента мира вызвано тем, что, как мы уже говорили, в реальном общении людей участвует не только естественный язык (или несколько естественных языков), но и различные другие «языки», или, как говорят специалисты в области семиотики, невербальные знаковые коды. Одним из таких кодов является язык тела, к основным знакам которого относятся жесты рук, ног, головы и т. д., позы, знаковые выражения лица, взгляды, знаковые телодвижения, манеры и т. д. Не удивительно поэтому, что естественно возникает понятие **семиотической концептуализации** человеческого тела как объекта реального мира. «Строительным материалом» для такой концептуализации являются знаки языка тела, знаки естественного языка, а возможно, и единицы других знаковых кодов.

§ 2. Принципы построения семиотической концептуализации тела

При построении семиотической концептуализации тела и его частей важно обращать внимание на следующие моменты.

Во-первых, на **морфологические и структурные аспекты**, связанные с телом и его отдельными частями, то есть на характеристики внешней формы, конфигурации или внутреннего строения тела или данной части тела. Описывая внешний облик того или иного человека, мы можем сказать, например, что *У неё кривые ноги* или что *Он криворукий*, но не, например, **кривоголовый* или **У него кривое брюхо*. В русском языке

есть сочетания *стройное тело, стройная фигура*, но едва ли мы скажем [?]*стройное туловище* или **тщедушный стан*.

Во-вторых, следует учитывать **топографию** данной части тела, то есть на её положение относительно других частей или тела в целом. Например, язык в своём нормальном положении не высунут, а находится во рту, за зубами и не виден. Уши, наоборот, видны, если, конечно, они не спрятаны под головным убором или за волосами, и уж точно мы знаем, что они находятся по бокам головы. Однако язык говорит нам о том, что *ушки* могут быть и *на макушке*, что, с точки зрения физиологии, является для человека поистине чудовищной аномалией.

Топография части тела может меняться. В частности, на положение части тела относительно других частей может влиять конкретный вид речевого акта и поведение человека при его исполнении. Дело в том, что многие речевые акты человек осуществляет с использованием не только знаков естественного языка, но и знаков языка тела. Русские люди, умоляя, то есть в речевом акте мольбы, часто складывают руки на груди, хотя такое положение рук человеку не очень свойственно. Другой речевой акт, акт военной команды «Смирно!», предполагает, что руки человека, к которому обращена эта команда, должны быть прижаты к бокам (и это положение рук, в отличие от положения рук в акте мольбы, является обязательным). Для лингвиста, изучающего речевые акты и их использование в коммуникации, всё сказанное выше означает, что, описывая их, он должен предусмотреть разные виды невербальных знаков, каковыми эти акты сопровождаются, и отразить их в своём описании, например, в словаре речевых актов.

В-третьих, при анализе семиотической концептуализации важно определить основные **функции** тела или описываемой части тела.

В-четвёртых, нужно указать типовые **движения** тела или часть тела и характеристики этих движений, а также **действия части тела** или **действия** человека **над частью тела** (не только своего, но и чужого). Важно отметить **влияние** как тех, так и других действий на собеседника или других людей, косвенно участвующих в данном акте коммуникации.

Мы полагаем, что, описывая эти и некоторые другие аспекты, формирующие семиотическую концептуализацию тела и его частей, можно в результате построить полную и непротиворечивую семиотическую картину мира, относящуюся к человеческому телу и его частям.

Такой подход, который мы будем называть **признаковым**, обладает определённым преимуществом перед другими подходами, которые связаны с описанием человеческого тела. В частности, основным таким подходом является лексикографический подход,

результатом которого являются описания, содержащиеся в толковых словарях. Между тем, что касается описания тела и его частей в толковых словарях, ситуация выглядит следующим образом. Для одной и той же части тела в одних толковых словарях указывается только её функция, в других – форма (лишь изредка форма вместе с функцией), в третьих – ещё что-нибудь. Хуже то, что даже в пределах отдельно взятого словаря для одной части тела даётся информация только о её форме, для другой части тела – только о её функции и т. д.

Мы считаем, что в толковых словарях каждый раз для каждой части тела важно указывать и форму, и функцию, и топографию, и все остальные свойства (при этом, мы, конечно, не ставим под сомнение, что какое-то одно свойство у данной части тела отражено в естественном языке или языке тела лучше, чем другое).

§3. Содержание представляемого проекта

Изучение феномена телесности и семиотической концептуализации тела проводится в Институте лингвистики РГГУ в течение нескольких лет. Оно осуществляется в рамках проекта, посвящённого сопоставлению вербальных и невербальных знаковых кодов. Результаты работы над проектом обсуждаются на еженедельных семинарах по невербальной семиотике, в которых принимают участие студенты, аспиранты и преподаватели разных институтов и факультетов РГГУ и МГУ.

Исследование разбито на три этапа – каждый посвящён решению отдельной задачи. Это, во-первых, выявить сходства и различия русского языка и русского языка тела. Во-вторых, описать особенности каждого из этих языков в той части, которая касается феномена телесности, и сформулировать правила совместного функционирования русского языка и русского языка тела в акте коммуникации. Наконец, в-третьих, это создать такой семантический язык (язык описания), на котором основные характеристики изучаемых семиотических кодов были бы представлены в нужном нам единообразном виде.

«Признаковый» подход, о котором здесь идёт речь, в силу единообразия описания и применимости к разным кодам, позволяет обнаружить, что между единицами естественного языка и языка тела существует и смысловая, и функциональная общность. Например, легко обнаружить, что подавляющее большинство невербальных телесных знаков имеют закреплённые в русском языке имена, или, как говорят лингвисты, **языковые номинации**. И нередко таких номинаций бывает более чем одна. Ср. выражения, которые описывают одно и то же действие или состояние: *потупить взор* и

опустить глаза, нахмуриться и нахмурить брови, голосовать и поднять руку, встать по стойке смирно и встать руки по швам. Эти выражения носят характер полусвободных единиц. Но в русском языке существует и огромное число свободных выражений, описывающих свойства тела и телесное поведение человека.

Об общности вербального и невербальных знаковых кодов говорит и тот факт, что некоторые естественно-языковые высказывания невозможно ни понять, ни воспроизвести без определенного жестового сопровождения; они без жестов как бы не существуют. Синтаксис этих комбинированных выражений очень сложен. Имеются специальные работы, которые посвящены таким предложениям и языковым явлениям, которые эти предложения отражают. Они описывают явление **mixed syntax**, то есть соединение синтаксических элементов двух языков – естественного языка и языка тела. Мы имеем в виду такие фразы, как *Вон там, А он такого роста, Во какие огурцы!, Во!* (поднимая вверх большой палец) или *Вон отсюда!*. Однако и за пределами всех приведённых случаев обязательного сочетания кодов, условия и контексты употребления жестовых и языковых единиц во многом совпадают или сходны.

Ещё одним доказательством общности вербального и невербального знаковых кодов является то, что жесты и физиологические незначимые движения бывают по своим функциям и воздействиям на адресата аналогичны некоторым языковым единицам. Рассмотрим лишь один пример. Мужчина предлагает женщине занять свободное место, указывая на него рукой. Мы можем передать этот жест словами *Он предложил ей сесть, Он показал ей на стул, Он сказал ей «Садитесь»* и многими другими. Из них некоторые выражения являются непосредственными обозначениями данного жеста, другие отражают реально исполняемое движение лишь косвенным образом, а третьи могут обозначать и жестовое, и словесное предложение сесть. В частности, таково высказывание *Он предложил ей сесть*: оно может обозначать непосредственно исполняемый жест либо описывать слова человека (какие точно, мы, однако, не знаем), содержащие предложение сесть.

«Признаковый» подход, опять-таки в силу своего единообразия (один метаязык (то есть язык описания семиотических кодов или их фрагментов), одна схема описания, единообразная форма представления результатов), открывает дорогу к межкультурному сопоставлению и к типологии семиотических концептуализаций тела в разных языках. В частности, мы получаем возможность посмотреть, как описывается, например, форма руки в русском, итальянском, английском и других языках, как разные языки тела и естественные языки говорят об *упитанном* и *тощем теле*, каковы эстетические

характеристики тела в разных культурах, и ответить ещё на многие другие высказанные и невысказанные вопросы.

Предлагаемый подход удобен для решения и других лингвистических и семиотических задач. Так, мы можем рассматривать и сопоставлять друг с другом отдельные семантические подсистемы, например, типы дисфункций и аномалий, связанных с частями тела. У нас есть теперь способ ответить на вопрос, что означает, что данная часть тела плохо «работает» или болит, и как мы об этом говорим или как это показываем. Можно установить взаимовлияние разных характеристик одной части тела, например, влияет ли размер данной части тела на её форму и наоборот, и если да, то как. Наконец, можно попытаться выявить и описать различные механизмы и способы метафоризации обозначений частей тела, в частности, понять, как образуются сочетания типа *нос корабля, спинка стула, плечико костюма / платья, дверной глазок* и т. п.

В своей работе мы опираемся на разнообразный вербальный и невербальный материал.

Материалом для исследования вербального кода нам послужили тексты русской художественной литературы и публицистики XIX – XXI веков и тексты, широко представленные в системе Интернет². Кроме того, изучались данные разных языковых словарей – толковых, переводных и фразеологических.

Анализ невербального кода проводился на основании данных, полученных в ходе наблюдений за невербальным поведением людей русской культуры в естественных условиях повседневной бытовой коммуникации; использовался и материал языковых текстов, отражающих такое поведение. Широко привлекалась нами также информация, содержащаяся в жестовых словарях и описаниях жестов, прежде всего, в Словаре языка русских жестов (СЯРЖ 2001). Разумеется, в работе мы учитываем и все наиболее важные для нас сведения, содержащиеся в трудах по лингвистике и семиотике тела.

Основными объектами исследования послужили языковые и невербальные единицы разной природы. Из языковых единиц особое внимание мы обращаем на слова, обозначающие части тела, свободные и фразеологические сочетания с ними, словообразовательные производные от названий частей тела, а также номинации жестов и знаковых движений тела и его частей. Из невербальных единиц нас особенно интересуют жесты всех семиотических классов (жесты рук, ног, головы, плеч, позы,

² В частности, использовался материал Русского национального корпуса (www.ruscorgora.ru).

взгляды, выражения лица и др.). Изучаем мы и незнакомые действия, осуществляемые телом, частями тела или с частями тела.

Строя семиотическую концептуализацию частей тела, нельзя не учитывать такое важное явление, как **символизация данной части тела** (или связанных с ней действий и положений). Поясним, что это такое.

Некоторые части тела играют особую роль в данной культуре. Известно, например, какую роль в русской культуре играют такие части тела, как рука, плечо или голова. Об их роли свидетельствует обилие сочетаний с этими словами, причём не только свободных, но и идиоматических. Мы говорим *Тут видна рука Кремля, Он – правая рука начальника,; городской голова, Она – моя головная боль, головное учреждение, Ну ты голова!*. Во всех таких выражениях подчёркивается важность и главенство соответствующих частей тела. Они могут обозначать человека в целом (чего, например, не могут щёки или затылок) или подчёркивать наличие у части тела, а тем самым, и у её обладателя, особых свойств, «скрытых» в данном сочетании. Так, говоря о *руках матери* или *материнском сердце*, мы выделяем такие свойства, как теплота, нежность, забота или беспокойство.

Мы стремимся обнаружить и представить в явном виде наиболее важные, культурно значимые свойства и функции частей тела. Например, полное описание единицы *плечо* должно, по нашему мнению, включать в себя информацию о том, что, согласно древним представлениям, за левым плечом человека стоит или скрывается смерть или какие-то другие злые силы. Отсюда получает естественное объяснение символический жестовый акт **трижды плюнуть через левое плечо**. Данных символическим действием как бы снижается и уменьшается действие тех сил, которые стоят за левым плечом.

Культурно значимыми являются многие части тела, причём, вообще говоря, для разных культур разные. Например, в Японии это живот (*hara*), в котором, по мнению японцев, находится жизнь (ср. *харакири* – лишение жизни через вскрытие живота). В русской культуре символизации подвергаются не только такие части тела, как рука, голова, плечи, но и спина или зад. Некоторые имена, производные от слова *спина*, приобретают особые значения (ср. *спинка кровати*), а отдельные употребления слова *спина* являются переносными, ср. *держат спину ровно, выпрямить спину*. Такая часть тела, как зад, тоже символически осмысливается в русской культуре, но, в отличие от руки или головы, как 'плохая часть тела'. Такое осмысление создаёт основу для разного рода неприличных или сленговых выражений типа *задница, пошёл в зад!* и под.

§4. База данных для описания тела и его частей

База данных о семиотической концептуализации тела и его частей, полученная на основе «признакового» подхода, является универсальной и удобной схемой описания единиц разной природы и разных кодов, схемой, освобождённой от конкретной специфики кодов.

Базу данных образуют два множества – множество признаков, характеризующих тело и его части, и множество значений этих признаков. На сегодняшний день оба множества являются для нас открытыми, и пока мы можем указать только те признаки и их значения, без которых описание семиотической концептуализации по меньшей мере одной части тела было бы заведомо неполным и неточным.

Сразу же оговоримся: не следует думать, что какова бы ни была часть тела, данный выделенный признак является для неё важным. Например, **цвет** является значимым признаком лишь для очень немногих частей тела, а вовсе не для всех. Так, цвет важен для глаз, лица, волос или кожи, но не важен для ног, спины или живота. Это не значит, что мы не можем сказать *Его спина красная* или *Его ноги побелели* – в некоторых контекстах и при этих частях тела может быть указан цвет.

В чём же разница? А вот в чём. Если мы описываем внешность человека и останавливаемся на описании глаз, лица, волос, кожи и некоторых других частей, мы обычно указываем такую их характеристику, как цвет. Без неё описание этих частей тела часто выглядит неполным. Более того, цвет как постоянный признак встроен в значение многих производных слов от обозначений соответствующих частей тела (ср. *голубоглазый блондин, краснокожий, белолицый*) и играет важную роль в культуре. Например, цвет кожи определяет расу, по цвету кожи мы можем судить, где живёт человек (в жарких странах, где солнце, люди, как правило, *загорелые, темнокожие*, на севере, где холод и ветер, кожа белёсая). Глаза определённого цвета, представляются как приносящие благо или зло (например, в Малороссии традиционно опасались чёрных глаз, а в Италии – голубых). А для таких частей тела, как спина и ноги, цвет не является **постоянной** характеристикой; эти части тела **приобретают** цвет только в определённых условиях.

Похожая ситуация имеет место и с другими признаками. Например, редко говорят о **размере** бока или о **действиях** пальцев ног. Кроме того, даже если признак и является существенным для данной части тела, это еще не означает, что в рассматриваемых кодах все значения этого признака равноправны, то есть выражаются в равной степени.

В общем случае, выражение значения признака, относящегося к некоторой части тела, чаще всего указывает на её нестандартное свойство или поведение. Так, в русском

языке есть сочетания *длинные руки* и *короткие руки*, но сомнительны выражения (вне контекста противопоставления) *нормальные руки* или *руки нормальной длины*. Аналогичным образом, для *лба* фиксируется только аномальное значение такого признака, как **температура**: допустимы сочетания *холодный* или *горячий лоб*, но не, скажем, сочетание *лоб нормальной температуры*.

Фиксация нестандартного значения признака для некоторой части тела обычно является основанием для разного рода выводов и следствий. Например, из того, что у Пети горячий лоб, вытекает, что у него температура, а то, что лицо Маши покраснело, может свидетельствовать об её определённом эмоциональном состоянии.

Сами признаки и их значения были обнаружены нами в результате обработки большого эмпирического материала. При этой обработке мы исходили из следующей гипотезы. Для получения достаточно полного набора нужных нам признаков и их значений, следует, прежде всего, подвергнуть анализу определённые части тела. А именно, надо начать с тех частей тела, которые либо хорошо представлены в русском языке (то есть имеется богатый и разнообразный набор русских выражений с ними), либо хорошо представлены в русском языке тела (то есть которые активно участвуют в образовании и исполнении жестов). При этом мы предполагаем, что изучение остальных частей тела, менее активно и часто встречающихся в этих кодах, не приведёт к существенному пополнению множества признаков. Но что касается множества значений этих признаков, оно в ходе анализа каждой новой части тела всегда меняется и часто значительно увеличивается в размерах. Поэтому за его пополнением мы следим особо.

§ 5. Типология признаков

При изучении признаков мы строим различные их классификации, выявляя значимые противопоставления между признаками. Одним из таких противопоставлений является степень их участия в вербальном / невербальном коде. К числу признаков, значения которых широко представлены в русском языке, относятся, например, признаки **размера** и **формы**; в то же время они являются периферийными для русского невербального кода. Напротив, признаки, связанные с **функционированием** частей тела, в частности с их способностью **двигаться**, являются чрезвычайно важными для невербального кода, но в меньшей степени представлены в русском языке.

Отметим попутно очень важное обстоятельство. Если в вербальном коде признаки тела или частей тела обычно **фиксируются** посредством тех или иных языковых единиц, то в невербальном коде такие признаки не фиксируются, а **используются** (например, то,

что плечи имеют протяжённость в горизонтальном измерении, позволяет **положить руку на плечо** или **положить голову на плечо**). Иными словами, мы смотрим на эти признаки и оцениваем их по-разному, в зависимости от того, с каким типом знакового кода (вербальным или невербальным) мы имеем дело.

Говоря о типологии признаков, нельзя не остановиться на таком важном их делении, как деление на **формальные** и **функциональные** признаки.

Формальные признаки являются статическими: они характеризуют физические свойства тела и его частей, такие как морфологические характеристики тела и его частей (например, **твёрдость**), описывают его геометрические (**форма, размер**), структурные (**наличие частей, внутренняя структура**), топографические характеристики (**расположение** относительно других частей тела и степень их **связности**) и некоторые другие. Функциональные признаки, напротив, являются динамическими. Они характеризуют способность тела и его частей выполнять различные действия и указывают на особенности реализации этих действий. К функциональным признакам относятся способность/неспособность части тела двигаться в том или ином направлении, возможность/невозможность совершать определённые действия (например, брать, ходить, носить, смотреть, думать и др.), нарушения нормального функционирования (например, вследствие заболевания) и т. д.

Интересно отметить следующий факт. Одни органы чувств лучше реагируют на наличие или проявление формальных свойств, а другие – функциональных. Например, слух в большей степени ориентирован на функциональные свойства: мы слышим *звук шагов, треск суставов, хлопанье в ладоши* или *по плечу, шелест потираемых рук*. Зрением же воспринимаются характеристики обоих типов. Так, глазами можно увидеть не только форму или размер любой видимой части тела, но и её движение. Похожим на зрение образом ведёт себя осязание. С одной стороны, оно реагирует на формальные характеристики, такие как **текстура** (свойство поверхности данного органа), **твёрдость/мягкость, размер, форма**. С другой стороны, тактильные ощущения возникают у человека, когда к некоторой части его тела применяются определённые действия и жесты, например, *шлепки, поцелуи, похлопывания*; тем самым, в сферу осязания попадают и функциональные характеристики. Таким образом, строя семиотическую концептуализацию органов чувств, мы должны соотнести её с семиотической концептуализацией тела и его частей.

Теперь, чтобы показать, как мы строим семиотическую концептуализацию тела и его частей, мы остановимся на описании только одного признака – признака **ориентации**.

§ 6. Признак «ориентация»

Имя признака, о котором далее пойдёт речь, выбрано нами не случайно: русское слово *ориентация* и однокоренные с ним слова *ориентир*, *ориентирование*, *сориентироваться* и др. хорошо известны. Люди *ориентируются на* или *в* какой-либо местности, говорят об *ориентации при помощи компаса* или *по карте*, *ориентируются по звёздам*, занимаются *спортивным ориентированием*. *Ориентирами* в городе служат заметные места: памятники, площади, магазины, театры.

Что же такое признак «ориентация» применительно к телу или частям тела человека?

В отличие от вышеприведённых слов и словосочетаний, сочетания *ориентация тела* и *ориентация части тела* в бытовом, повседневном русском языке не используются, хотя и семантически и синтаксически они построены абсолютно правильно. Фразы типа *Его глаза ориентированы на меня, её корпус ориентирован в его сторону* можно встретить в книгах и статьях психологов, но едва ли в бытовом общении. Их используют также и в метаязыке, то есть языке научного описания некоторого объекта.

Не следует думать, что неприменимость слова *ориентация* по отношению к телу и частям тела мешает выразить на русском языке те идеи, которые заключены в этом слове. Если нам нужно сказать что-то про ориентацию частей тела или тела, мы можем использовать целый ряд других слов и выражений русского языка: *повернуть* и *быть повернутым*, *обращать* и *быть обращённым*, *направлять* и *быть направленным*, *смотреть* и т. п. Говорят: *Поверните руки и покажите мне свои ладони; Все взгляды были прикованы к двери; Носки ног смотрят вперёд; Услышав эти слова, она обратила своё лицо ко мне* и т. д.

Приведём теперь ряд примеров того, как мы используем слово *ориентация* в нашем проекте.

(1) Как известно, тело человека членится на две части, которые называются *передняя часть* и *задняя часть*. Относительно них определяются те участки пространства, которые по-русски называются *перед* и *зад*, или, что то же самое, участки, находящиеся *впереди*, и, соответственно, *позади*. Если человек стоит, то его лицо, грудь и другие передние части обращены вперёд, а затылок, спина и другие задние части обращены назад. Именно таким способом мы предлагаем говорить о стандартной ориентации тела стоящего человека.

(2) Когда мы говорим про человека, что *У него глаза бегают по сторонам*, это означает, что его взгляд то и дело меняет направление. Слово *направление* здесь тоже выражает идею ориентации и в бытовом языке служит её обозначением. Описывая эту ситуацию на метаязыке, мы, как и в пункте (1), будем использовать слово *ориентация* и

говорить, что ориентация глаз человека постоянно меняется, а слово *направление* оставим повседневному языку.

Особый интерес для лингвистов и специалистов по невербальной семиотике представляют не все возможные постоянные и переменные ориентации глаз, а только такие из них, которые говорят нам что-то новое о человеке. Например, показывают, здоров он или болен, взволнован или спокоен и т. д., то есть являются внешним проявлением его внутреннего физического или психического состояния. Когда мы видим, что у человека *глаза бегают по сторонам*, мы понимаем, каково его внутреннее состояние: он чем-то обеспокоен, выведен из равновесия, возможно, растерян, насторожен и боится чего-то.

(3) Обратимся теперь к отрывку из известной русской народной сказки.

Идёт Иван-Царевич по лесу и вдруг видит перед собой избушку на курьих ножках. Он обращается к ней со словами: *Избушка, избушка, встань ко мне передом, а к лесу задом*. Для чего он это говорит? Коммуникация всегда с адресатом происходит лицом к лицу, будь то адресат одушевлённый (человек, животное) или неодушевлённый, но персонифицированный, то есть объект, с которым разговаривают как с человеком. Если же тело собеседника обращено к говорящему иначе, то ему или ей предлагается повернуться. Переводя сказанное с обычного русского языка на искусственный язык (метаязык), где все термины однозначны, а синтаксические конструкции достаточно просты, то можно сказать, что здесь речь идёт о том, что «тело» избушки должно быть сориентировано иначе. Она должна встать передней частью (передом) к Ивану и задней частью (задом) к лесу.

Таким образом, признак «ориентация» играет большую роль в описании разного рода языковых единиц, которые встречаются в текстах, разнообразных и по жанру, и по стилю, и по тематике. Поэтому этот признак должен занять своё достойное место в кругу признаков, о которых мы говорили с самого начала.

Возвращаясь к основному понятию семиотической концептуализации тела, подчеркнём ещё раз, что признаковый подход позволяет единообразным образом отразить то, как тело и его части представлены сразу в нескольких семиотических кодах – в языке и невербальных телесных кодах.

Литература:

1. Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или азбука общения: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2004.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002.
3. Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. – М.; Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001.

Дополнительная литература:

4. Апресян Ю. Д. Избранные труды. – М. : Языки русской культуры, 1995.
5. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира – М.: Языки славянской культуры, 2005.